

Общая инф. — 1995. — 14-20 сент. — С. 10.

ПЕРСОНА

Литература как сопротивление

Руслан ЯМАЛОВ

Прозаик Олег Павлов приобрел известность ровно год назад, когда в «Новом мире» была опубликована его «Казенная сказка» — драматичная повесть об идиотизме армейской жизни в «мирное» время. Проза Павлова сориентирована на традиционные ценности русской литературы, она отличается оригинальностью и естественностью интонации. Молодой писатель обладает незаурядным критическим темпераментом, часто вступает в газетные споры. С Олегом ПАВЛОВЫМ беседует Владимир БЕРЕЗИН.

— Имеет смысл начать с биографии, потому что она все же определяет то, что делает литератор, и особенно прозаик.

— Знаешь, чем бы я ни начинал всерьез заниматься, никогда не мог довести начатого до конца — срывался на другое, увлеклся другим. Только в спорте перепробовал дзю-до, баскетбол, плавание, шахматы, регби и даже один день прозанимался фехтованием, но страдал именно от неспортивности и несобранности. То же самое было со школьными предметами и чтением. Я тогда увлеклся футуристическим Маяковским и писал в его духе стихи, которые и зачитывал по поводу и без повода в школе.

Десятилетку закончил в восемьдесят седьмом году. Весной восемьдесят восьмого призвали в армию — во внутренние войска. Попал в конвойную часть. За полгода армии я узнал Туркестан и Среднюю Азию, начав служить в Ташкенте и закончив в Северном Казахстане в Карагандинской области. За полгода так и не выучился толком стрелять. Но за это время мог быть изнасилован, зарезан, застрелен, посажен в тюрьму, изувечен, мог непоправимо изувечить самого себя — тут я не в силах описать всех обстоятельств, только обозначаю, что видел в упор перед собой, загнанный, как зверек, в угол. Но каждый раз происходило чудо. Этим чудом, спасавшим меня в последний возможный миг, были люди, так что можно сказать, что спасало сострадание. Также я узнал и увидел, какие бывают лагеря и жизнь вокруг них. Отлежав в госпитале с травмой головы, оказался в карагандинской психушке, хотя и был психически здоровым. Через полтора месяца был выплюнут как психически неполноценный, хоть скрытую инвалидность заполучил на сосудах мозга.

Сумел устроиться только вахтером — без образования, без ремесла. Стихов с тех пор не писалось, кажется, ни строчки. Начал писать прозу. Писал, отгораживаясь от всего. Ту, другую жизнь, которую я, не стараясь закладывать в память, глубоко и подробно помнил и которая делала меня человеком одиноким, вынуждая без всякой мысли о литературе просто выписываться одним бесформенным безадресным письмом.

В восемьдесят девятом попытался поступить со старыми стихами в Литературный институт, но стихи не прошли конкурса. Поступил туда в девяностом на прозу. В тот год отменили экзамен по иностранному языку, а русский я вызубрил с репетитором, поднакопив денег. Поступил, и держался, как за соломинку, за студенческий билет — главное было ухватиться за что-то в жизни.

В том же девяностом напечатали в «Литературном обозрении» рассказы, с которых начался цикл «Караульные элегии», а в белорусском журнале «Парус», куда посылал самостеком, опубликовали первые рассказы другого цикла — «Записки из-под сапога».

Тогда в мою жизнь вошла Алла Максимовна Марченко. В литературу я не имел, понятно, никаких корней и повис в каком-то безвоздушном пространстве. Места в журналах для современной начинающейся прозы тогда не было, и проза эта не признавалась за явление. Марченко эту прозу поддержала и отстаивала в критике. Она же создала журнал «Согласие», единственную опору в литературе для многих. Сколько существовал этот журнал, столько и был я его автором — удивительно легкое время, когда исчез страх перед литературой и можно стало писать не впрок, а задумывая самое трудное и личное, зная, что не пропадешь. В «Согласии» с известным молодым автором заключался договор, и журнал выплывал не оправданный еще ничем, кроме замыслов, авансы. Вот на этих авансах я и смог писать два года свою

«Казенную сказку». Но в день, когда я ее сдал Марченко, черновую еще, журнал перестал существовать.

Напечатанная в девяносто четвертом году «Новым миром», где определилась приблизительно и скорей по старинке как роман, «Казенная сказка» стала и моим дипломом в Литинститут. О Букеровской номинации я узнал уже потом.

Как я цеплялся за уступ какой-то показавшейся работы, цели, чтобы только было что делать и в жизни не зашататься, как теперь имеют рабочую цель — собрать всю эпическую лирику, родившуюся на азиатском армейском материале, в книгу прозы, где должны закончиться «Караульные элегии», корпус поэтических повестей, начатый «Казенной сказкой», и «Записки из-под сапога».

— А что значит для тебя авторство в «Новом мире»?

— Это самый близкий мне по духу журнал в сегодняшнем времени, хотя я еще работаю в журнале «Литературная учеба»: с осени 1994 года в нем два раздела — «Опыт современного рассказа» и «Письмо XX века».

— Поговорим об исторической прозе.

— Всякая современная проза исторична, потому что она воспринимает происходящее сейчас как историю. Только эта историчность разная — моя одна, твоя — другая. Историзм Михаила Бутова, который, как мне кажется, написал очень сильный рассказ «Известь», где действие происходит во время гражданской войны, другого рода.

У нас литература как бы разнополая, потому что есть беллетристика и собственно литература. После популярной истории, изложенной в книгах Натана Эйдельмана, исторический роман кажется привычным, а на самом деле он чужероден в русской литературе. Он тяготеет не к классике, а к конъюнктуре. Мне же очень важна история как материал.

— Согласись, почти невозможно написать текст именно про XII век — легко повязнуть в этнографизм, описании шлемов и кольчуг. Первые твои рассказы были целиком про службу в охране лагеря. Но в них нет ни одного зека, хотя соотношение охранников и охраняемых обычно главная тема в такой литературе. А у тебя рассказы не о том, как ты служил во внутренних войсках, а об армии, о казенном быте. Почему?

— Потому что надо было к этому прийти. Сначала я выписывался — с одной стороны, под влиянием армейских воспоминаний, а с другой — под влиянием Олеши. Я почувствовал вкус к метафоре, к поэтизации прозы, но опозитизировать лагерь не мог. Тогда я писал и о личном, с помощью иронии преодолевая то зло, которое было во мне, и чувство тоски, чувство заброшенности... Эти рассказы я не зря назвал «Караульными элегиями».

Следующим шагом были «Записки из-под сапога». Тогда я избавился от иронии, письмом стало жестче. И там уже появились заключенные. Наконец, получилась «Казенная сказка», и вот сейчас я уже не могу и не хочу писать поэтические вещи, мне хочется писать только драму. Теперь я ощущаю в себе силу для этого, силу и опыт. Очень хочется писать действительность, и это не тривиальный реализм,

похожий на фотографию, а тот самый историзм, о котором мы говорим.

Я прослужил так, что не знал быта заключенных, и еще мне запали в душу слова Шаламова насчет блатарей, которых все время хотя как-то героизировать. Я и сам так считаю и этого боюсь.

— Ну да, сейчас бандит — привлекательная фигура для литературы.

— Даниэль написал замечательную фразу о том, что ему интересны были те люди, страдания которых заключались не в собственной боли, а в сострадании. Так вот, в лагере сострадания мало. Они друг друга жрут и жрут. Я понимаю, что в человеке всегда есть что-то хорошее, но показательно еще и то, что практически нет хорошей прозы о заключенных.

— Теперь о критике. Ради чего ты ей занимаешься, ведь в это время ты бы мог сам что-то писать...

— Писатель должен быть практиком. Если раньше писатель мог ограничиться только собой, то теперь для того, чтобы чувствовать себя полноценно, он должен идти во внутренние области литературы — при уменьшающемся внимании к ней извне. Он должен участвовать в движении литературы это его обязанность. А если ты становишься практиком, ты становишься критиком, откликаешься на все, что происходит — в себе вокруг. Так интереснее жить — без критической работы я не чувствую себя писателем, чувствую лишь каким-то подпольным деятелем, который появляется изредка, кладет рукопись на стол и тут же исчезает. Мне нужно ходить куда-то, что-то постоянно обсуждать, говорить.

— Но есть ли пространство для этих прогулок? Ты либо попадаешь, либо не попадаешь в пространство того, что называется «тусовка».

— Пространство достаточно большое, и потому же я считаю, что, занимаясь критикой, становлюсь еще большим индивидуалистом, чем был. Я ни в коем случае не хочу участвовать ни в какой группе. У меня есть свое сознание, и я иду своей дорогой без всяких костылей и подпорок в виде литературной группы.

Интересно создавать литературу не только творчески, но и как-то иначе. Современная литература существует как столкновение, и момент этого столкновения нужно поймать. Надо найти его зависимость от времени и отобразить это.

Поскольку литература становится делом все более призрачным, к ней нужно все больше приближаться.

Видимо, цивилизацию спасает то, что она очень неоднородна. Африка — это одно, Америка — другое. У России есть что-то свое. Разрушается что-то только в городах. Но пространство земли больше, чем пространство городов.

Для многих чтение останется таким же обязательным занятием, как чаепитие. При чем литература будет разной, включая специальную или документальную, у которой всегда будет свой читатель, но сейчас этого читателя нет.

А в России есть возможности развития всегда.